

стіане названы „духовнымъ разсѣяннымъ Израилемъ“, представляется намъ нѣсколько искусственнымъ. Правда, мы уже упомянули, что авторъ указываетъ и такія мѣста въ посланіи, которыя будто бы вовсе не приложимы къ читателямъ іудео-христіанамъ (I, 14, 18; II, 10; IV, 3). Но, по нашему мнѣнію, такія выраженія вполне могли быть приложены къ каждому народу и лицу, не знавшему или отвергавшему Христа. А что касается IV, 3, гдѣ Апостолъ говоритъ о хожденіи въ прежнее время читателей его посланія по языческой волѣ, то въ отношеніи іудеевъ разсѣянія, жившихъ въ ближайшей связи съ языческимъ міромъ, это вполне приложимо. Впрочемъ, мы не хотимъ выдавать принимаемаго нами предположенія за нѣчто безусловно доказанное въ наукѣ; мы вполне соглашаемся, что со строго научной точки зрѣнія вопросъ не можетъ считаться въ настоящее время уже окончательно рѣшеннымъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Но, слѣдовательно, и утверждаться единственно на такомъ или иномъ рѣшеніи этого вопроса при дальнѣйшихъ выводахъ, быть можетъ, не слѣдовало бы. Между тѣмъ авторъ, соответственно защищаемому имъ взгляду, дѣлаетъ весьма важный выводъ, что посланіе не могло быть написано ранѣе 56—57 г., т. е. послѣ третьяго уже благовѣстническаго путешествія апостола Павла. Къ точнѣйшему опредѣленію времени написанія авторъ приходитъ при посредствѣ анализа самаго его содержанія, причемъ рѣшающее значеніе авторъ усволяетъ указанію на мѣсто написанія даннаго посланія—Вавилонъ (V, 18). Вопросъ о томъ, что разумѣется подъ церковію въ Вавилонѣ, какъ извѣстно, издавна привлекалъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей и рѣшался различно. Авторъ останавливается на разборѣ трехъ наиболѣе естественныхъ въ данномъ случаѣ предположеній. По первому изъ нихъ здѣсь надо разумѣть Вавилонъ на Евфратѣ (Кюль, Фронмюллеръ, Гутеръ, Кейль и др.). По второму—Вавилонъ Египетскій (Вольфъ, Пирсонъ, Гугъ, еп. Михайлъ). Авторъ со всею очевидностію раскрываетъ необоснованность подобныхъ предположеній и лично

склоняется къ третьему, можно сказать, господствующему теперь рѣшенію вопроса въ томъ смыслѣ, что Вавилономъ иносказательно называется въ данномъ случаѣ Римъ (Корнели, Гофманъ, Цанъ, Хортъ, Бейшлагъ, Кегель, Шляттеръ, Кремеръ, Гарнакъ). Этотъ взглядъ, по свидѣтельству Евсеія, раздѣлялся и нѣкоторыми древними церковными писателями (Hist. E. II, 15) Георгіемъ Синкелломъ, Теофилактомъ Бол., Икумениемъ, равно какъ и многіе минускульные кодексы имѣютъ добавленіе „ἀπὸ Ῥώμης“ (стр. 233—245). Несмотря на то, что разумѣть подъ Вавилономъ Римъ является не болѣе, какъ предположеніемъ, невольно приходится склоняться къ послѣднему. А если такъ, то и время написанія посланія надо опредѣлять въ связи съ временемъ пребыванія апостола Петра въ Римѣ. Согласно съ древними свидѣтельствами, нельзя отрицать возможности пребыванія апостола Петра въ Римѣ и въ царствованіе Клавдія (Евсевій); но авторъ, въ силу ранѣе сдѣланнаго имъ вывода о времени написанія даннаго посланія, не можетъ допустить происхожденія посланія въ это время (такъ какъ оно согласно прежнему выводу автора не могло появиться ранѣе 56—57 г.) и поэтому обращается къ свидѣтельству Лактанція о пребываніи апостола Петра въ Римѣ въ царствованіе Нерона, а главнымъ образомъ къ тщательнѣйшему анализу новозавѣтныхъ апостольскихъ посланій, свидѣтельствующихъ отрицательнымъ путемъ о томъ, что до написанія апостоломъ Павломъ посланія къ Филиппійцамъ не могло быть написано изъ Рима 1 посланіе Петра, равно какъ не было въ Римѣ этого Апостола и при написаніи 2 посланія къ Тимоѳею. Слѣдовательно посланіе появилось не ранѣе 63 года (послѣ появленія посланія къ Филлипійцамъ). Молчаніе объ апостолѣ Петрѣ во 2 посланіи Тимоѳею для автора, какъ признающаго вторыя римскія узы апостола Павла, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Итакъ 1 посланіе Петра произошло не ранѣе 63 года. А такъ какъ посланіе къ Ефесеянамъ появилось нѣсколько ранѣе (61—63 г.), то, если и можетъ быть рѣчь о зависимости по-

сланий одного отъ другого, такъ только о зависимости I Петра отъ посланія къ Ефесянамъ. Авторъ могъ бы удовлетвориться такимъ выводомъ, такъ какъ этимъ защищена независимость посланія къ Ефесянамъ отъ I Петра, но онъ этимъ не ограничивается и обстоятельно доказываетъ полную оригинальность обоихъ посланій и по содержанію. Немногія дѣйствительныя параллели посланій авторъ склоненъ объяснять не литературною зависимостью ихъ одного отъ другого, но простымъ знаніемъ апостолами посланій другихъ апостоловъ, что со всею несомнѣнностію открывается изъ 2 Петра (III, 15—16). Впрочемъ предположеніе автора, что здѣсь разумѣется именно посланіе къ Ефесянамъ, для насъ не вполне убѣдительно, такъ какъ покоится главнымъ образомъ на болѣе раннемъ его предположеніи о томъ, что читателями перваго посланія св. апостола Петра были языко-христіане, ученики апостола Павла. Независимо отъ содержанія, авторъ указываетъ и на существенное различіе сравниваемыхъ посланій и по ихъ построенію (стр. 285—289), а также мимоходомъ указываетъ и на различіе посланій по языку (стр. 256). Въ концѣ этой же главы авторъ касается и вопроса о наиболѣе естественномъ дѣленіи посланія къ Ефесянамъ, что составляетъ прямой переходъ ко второй экзегетической части изслѣдованія. — Что касается нашего общаго впечатлѣнія отъ 4 главы, то она отличается богатствомъ содержанія и читается съ чрезвычайнымъ интересомъ. Но собственно для прямой задачи авторскаго изслѣдованія, быть можетъ, можно было ограничиться только тою частью ея, гдѣ сравниваются посланія по содержанію и построенію; подобную постановку мы видимъ у автора же въ рѣчи объ отношеніи посланій къ Ефесянамъ и Колоссянамъ. Говоримъ же такъ потому, что весьма трудный и интересный путь, какимъ авторъ пришелъ къ установленію датъ написанія I посланія св. апостола Петра, все-же заключаетъ въ себѣ слишкомъ много гадательнаго и прямо неизвѣстнаго для того, чтобы можно было надѣяться съ логическою необходимостію привести этимъ путемъ

читателя къ убѣжденію, что посланіе къ Ефесянамъ написано ранѣе 1 Петра.

Экзегетическую часть своего изслѣдованія Д. И. Богдасhevскій дѣлитъ на двѣ меньшія, соотвѣтственно основному содержанию посланія къ Ефесянамъ. Первая часть посвящена обзорѣнню догматической части посланія, а вторая—по преимуществу правоучительной. Догматическую часть посланія авторъ въ свою очередь расчленяетъ на два отдѣла: первый I, 8—23—общее раскрытіе величія христіанства, и второй отдѣлъ II, 1—III, 13—частное раскрытіе того же предмета. Правоучительная часть посланія расчленяется авторомъ также на двѣ меньшія: общая—гл. IV, 1—16, и частная—IV, 17—VI, 9. Стихи VI, 10—24 образуютъ заключительный отдѣлъ посланія. Было бы, безспорно, интересно прослѣдить стихъ за стихомъ экзегетическую работу автора, но размѣры настоящаго отзыва не позволяютъ сдѣлать этого. Поэтому ограничимся только общими замѣчаніями съ указаніемъ лишь на нѣкоторые наиболѣе интересныя для богословія мѣста. Экзегезисъ автора обычно имѣетъ такой видъ. Авторъ приводитъ извѣстный стихъ или отдѣльную мысль въ двухъ текстахъ славянскомъ и греческомъ. Въ примѣчаніяхъ, болѣею частію, къ каждому такому мѣсту авторъ указываетъ разночтенія списковъ какъ греческихъ, такъ и славянскихъ, и устанавливаетъ должное чтеніе на основаніи тщательнаго сличенія различныхъ списковъ греческаго текста и древнѣйшихъ его переводовъ. Вполнѣ естественно, что особенное значеніе въ послѣднемъ случаѣ авторъ придаетъ нашему славянскому переводу, при чемъ для выполненія своей задачи въ отношеніи изслѣдованія древне-славянскаго текста онъ пользуется богатымъ рукописнымъ матеріаломъ изъ Петербургской Публичной библіотеки, Московской Синодальной и библіотеки Московской Синодальной Конторы, Румянцевскаго Музея, библіотеки Московскаго Никольскаго единоувѣрскаго монастыря и Церковно-Археологическаго Музея при Киевской Духовной Академіи. Сообщенная авторомъ постановка изученію текста по-

славян какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ истиннымъ интересамъ науки. Съ особенною признательностію каждый русскій богословъ долженъ, конечно, привѣтствовать предприинятую профессоромъ Богдальевскимъ нелегкую работу сличенія славянскихъ переводовъ посланія къ Ефесянамъ. Въ прибавленіи къ своему труду авторъ обобщаетъ то, что было добыто имъ при экзегесисѣ посланія относительно особенностей чтеній древне-славянскихъ Апостоловъ. Эти чтенія отличаются иногда свободою, въ видѣ, напримѣръ, прибавокъ (I, 4—„всею“; II, 11—„братіе“; II, 12—„во всемъ“; II, 20 „святыхъ“), глоссъ (IV, 8—„пріяль еси даянія“; VI, 13—„въ день брани“); встрѣчаются въ нихъ неточности (напр. IV, 11—„овы пастухи, овы учителя“), пропуски (I, 3—„благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа“), просто ошибки (нерѣдко „мы“ вмѣсто „вы“ и наоборотъ; IV, 3—„успеніе духа“ вмѣсто „единовеніе духа“ и т.д.). Иногда, напротивъ, эти древне-славянскіе переводы отличаются точностію, доходящей до буквализма (напр. VI, 12—„въ небесныхъ“); нерѣдко въ древне-славянскихъ переводахъ удерживаются лучшія чтенія, которыя, по мнѣнію автора, слѣдовало бы возстановить въ нашемъ теперешнемъ славянскомъ текстѣ (напр. III, 5—„Духомъ“ вмѣсто „Духомъ Святымъ“; IV, 29—„къ созданію потребы“, вмѣсто „къ созданію вѣры“ и др.). По наблюденію автора, наибольшую неточностію отличаются Апостолы Московскаго Никольскаго единовѣрческаго монастыря, особенно же точностію переводъ св. митрополита Алексія (стр. 682). Авторъ дѣлаетъ въ этомъ же прибавленіи опытъ классификаціи по редакціямъ древне-славянскихъ Апостоловъ и высказываетъ предположеніе, что на древне-славянскихъ Апостолахъ сказалось вліяніе греческихъ апокрическихъ списковъ (стр. 684—688). Особенно интересны для насъ критическія замѣчанія автора къ нашему славянскому тексту посланія. Нерѣдко авторъ отмѣчаетъ здѣсь неточности нашего перевода, дающія поводъ иногда къ неправильному пониманію апостольской мысли. Такъ, напр., въ I главѣ въ стихѣ 13, вмѣсто стоящаго въ на-

шемъ славянскомъ текстѣ „нашего“—*ἡμῶν*, авторъ предпочитаетъ, согласно съ громаднымъ большинствомъ кодексовъ и контекстомъ рѣчи, чтеніе: *вашего*—*ὁρίων* (стр. 300). Выраженіе II, 10—*ἐπὶ ἔργοις ἀγαθοῖς οἷς προητοίμασεν*... авторъ передаетъ существенно иначе, чѣмъ какъ переведено оно въ нашемъ славянскомъ текстѣ („на дѣла благая, яже прежде уготова Богъ, да въ нихъ ходимъ“), сообщая слову „*προητοίμασεν*“ значеніе: предназначилъ, предопредѣлилъ, какъ передано и въ нашемъ русскомъ переводѣ (стр. 375—378). Точно также иначе передаетъ авторъ II, 14—*καὶ τὸ μεσότοιχον τοῦ λύσας τὴν ἐχθρὰν ἐν τῇ σαρκὶ αὐτοῦ τὸν νόμον τῶν ἐντολῶν ἐν δόγματι κατάργῃσας*. Въ нашемъ славянскомъ переводѣ *τὴν ἐχθρὰν* отнесено къ послѣдующему *κατάργῃσας*, тогда какъ авторъ предпочитаетъ разсматривать *τὴν ἐχθρὰν* въ качествѣ приложенія къ *τὸ μεσότοιχον τοῦ φραγμοῦ*: „Который разрушалъ средостѣніе ограды—вражду, упразднивъ въ плоти Своей законъ заповѣдей въ ученіяхъ“ (стр. 396). Во II, 15, вмѣсто чтенія *ἐν ἑαυτῷ* авторъ счѣтаетъ болѣе завершеннымъ чтеніе: *ἐν αὐτῷ*, а первое уже разъясненіемъ второго (стр. 404); II, 17 авторъ читаетъ „*εἰρήνην ὁρίν τοῖς μακρὰν καὶ εἰρήνην τοῖς ἐγγύς*“, т. е. съ повтореніемъ слова „миръ“ (стр. 410). Въ II, 14 авторъ предпочитаетъ усвоить слову *τὴν προσαγωγήν* значеніе *непереходное*: „доступъ“, какъ передано оно въ русскомъ переводѣ, а не *переходное*—„приведеніе“, какъ передано въ славянскомъ переводѣ (стр. 414). Въ 5 ст. 3 главы предпочитаетъ чтенію—*ἐν ἑτέραις γενεαῖς*—во инѣхъ родѣхъ—чтеніе: „*ἐτέραις γενεαῖς*“ (стр. 436), IV, 6 авторъ читаетъ *ἐν πάσιν*, согласно съ лучшими кодексами и переводами, вмѣсто *ἐν πᾶσιν ἡμῖν*—во всѣхъ насъ, какъ передано въ славянскомъ переводѣ (стр. 510, 511). Подобныя дѣйныя указанія относительно нашего славянскаго перевода мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ изслѣдованія, напр. IV, 22 (стр. 577), IV, 29 (стр. 588); IV, 31 (стр. 591); V, 5 (стр. 600) и друг. Отмѣченная нами чрезвычайно цѣнная научно и интересная для нашего богословія работа автора по

исслѣдованію текста посланія къ Ефесянамъ является естественнымъ основаніемъ и началомъ для послѣдующаго истолкованія посланія. Самый экзегесисъ автора охарактеризованъ имъ самимъ въ предисловіи къ его труду: „экзегесисъ—говорить Д. И. Богдашевскій—долженъ утверждаться на филологіи, носить вездѣ критическій характеръ, отличаться возможною краткостью“ (стр. I, предисл.). Этимъ требованіямъ и дѣйствительно удовлетворяетъ авторъ. Его экзегесисъ утверждается прежде всего на филологіи. Авторъ не оставляетъ почти ни одного мѣста въ посланіи безъ того, чтобы не выяснить путемъ филологическаго разбора смыслъ опредѣляющаго слова, причемъ нерѣдко для этого приходится не только разбираться въ буквальномъ значеніи извѣстнаго слова, но выяснять его истинный смыслъ на основаніи библейскаго словоупотребленія и, въ частности, въ посланіяхъ апостола Павла. Поэтому нерѣдко изъясненія авторомъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ представляютъ своего рода изслѣдованія въ области филологіи (напр. 1, 7 ἡ ἀπολύτρωσις, ἡ ἄφεσις, 1, 10—ἀνακεφαλαιώσασθαι, 1, 11—ἐκκληροῦσθαι; 1, 13—σφραγίζειν; 1, 14—ἀρρόρω, ἡ περιποίησις; 1, 22—ἡ ἐκκλησία; 1, 23—τὸ πλήρωμα; 11, 1—τὸ παράπτωμα, ἡ ἀμαρτία; 11, 2—ὁ αἰὼν, ἡ ἐξουσία; 11, 3—ἡ φύσις; II, 10—ἐτοιμάζειν; II, 12—ἡ πολιτεία, ἀπολλατριῶν; II, 15—τὸ δόγμα; II, 16—ἀποκαταλλάττειν и мн. др.). Подобное же надо сказать и относительно разъясненія конструкции и смысла отдѣльныхъ выраженій апостольской рѣчи (напр. 1, 10—τὸ πλήρωμα τῶν καιρῶν; II, 14—τὸ μέσότητον τοῦ φραγμοῦ; IV, 9, 10—τὰ κατώτερα τῆς γῆς; V, 16—ἐξαγοραζόμενοι τὸν καιρὸν и многія др.). Всесторонній филологическій анализъ текста, на которомъ утверждается экзегесисъ автора, въ значительной степени объясняетъ собою самый характеръ его толкованія. Последнее всегда отличается простотою и естественностію. Эту черту экзегесиса мы безъ всякаго колебанія должны признать необыкновенно дѣльной и отвѣчающей самому существу дѣла. Благодаря такой естественности, толкованіе автора

нигдѣ не вызываетъ недоумѣній, а напротивъ всегда производитъ впечатлѣніе полнаго согласія съ дѣйствительною мыслию Апостола. Глубина апостольской мысли при такомъ филологическомъ методѣ истолкованія выступаетъ во всей ясности и чистотѣ первоначальной формы выраженія, не прикрашенной искусственными аналогіями и незатемненной фантастическимъ аллегоризмомъ. Такой методъ по справедливости можно назвать наиболѣе отвѣчающимъ достоинству апостольскихъ посланій, такъ какъ здѣсь не только удовлетворяется собственно научное требованіе объективности, но и проявляется лучше всего дѣйствительное уваженіе къ мысли Апостола и къ самому выраженію извѣстной мысли. Особенно цѣнно это качество экзегесиса — его простота и естественность — въ отношеніи посланія св. апостола Павла къ Ефесянамъ, которое во многихъ мѣстахъ представляетъ значительныя трудности для пониманія. Не можемъ не повторить здѣсь сдѣланнаго уже однажды замѣчанія, что авторъ въ своемъ филологическомъ разборѣ выступаетъ какъ знатокъ подлиннаго языка новозавѣтныхъ писаній и особенно стиля и языка писаній св. апостола Павла.

Утверждаясь на филологіи, экзегесисъ автора всюду носитъ критическій характеръ. Это, несомнѣнно, достигается уже тѣмъ однимъ, что авторъ устанавливаетъ должное чтеніе текста посланія, о чемъ мы говорили выше и чего очень нерѣдко достаточно для установленія истиннаго смысла извѣстнаго мѣста. Но авторъ этимъ не ограничивается и подробно останавливается на разборѣ разнообразныхъ пониманій наиболѣе трудныхъ мѣстъ посланія, послѣ чего только устанавливаетъ должное ихъ пониманіе. Въ этомъ случаѣ критическое обзорѣніе толкованій многихъ мѣстъ посланія къ Ефесянамъ представляетъ громаднѣйшій интересъ для богослова уже по одному тому, что это посланіе, отличающееся замѣчательнымъ богатствомъ раскрываемаго Апостоломъ догматическаго ученія, въ значительной своей части входитъ въ нѣсколько учебныхъ курсовъ и въ ученныя богословскія системы. Для примѣра достаточно указать хоть

нѣкоторыя мѣста подобнаго рода, напримѣръ I, 4—5, гдѣ говорится о предвѣчномъ предназначеніи усыновленія челоуѣчества во Христѣ, мѣсто, къ слову сказать, нѣсколько иначе понимаемое авторомъ, чѣмъ какъ оно понимается нашимъ славянскимъ текстомъ и оттуда перешло въ наши богословскія системы (стр. 275—279; авторъ здѣсь, согласно съ св. Іоанномъ Златоустомъ, блаж. Феодоритомъ и многими новѣйшими экзегетами, слово „въ любви“ относить не къ 4, а къ 5 стиху: „въ любви прежде нарекъ насъ“...). Укажемъ еще I, 10, гдѣ говорится о возглавленіи всего во Христѣ; I, 20—23, гдѣ изъясняются слова „Того даде Главу выше всѣхъ Церкви, яже есть Тѣло Его, исполненіе Исполняющаго всяческая во всѣхъ“, II, 13 и слѣд., гдѣ раскрывается Апостоломъ мысль о примиреніи во Христѣ іудеевъ и язычниковъ; IV, 8 и дал., уже упомянутое нами мѣсто о схожденіи Христа Спасителя во адъ; IV, 11—16, гдѣ говорится о возрастаніи Церкви, какъ Тѣла Христова, и о служителяхъ дѣлу этого возрастанія; V, 22 и дал. о взаимной любви мужа и жены по образу любви Христа къ Церкви.. и множество подобныхъ мѣстъ, обладающихъ необыкновенною глубиною мысли, выясняются авторомъ со всею обстоятельностью. Благодаря этому настоящій трудъ профессора Д. И. Богдашевскаго окажется необходимою, можно сказать, настольною книгою для каждаго богослова. При этомъ намъ надо отмѣтить ту характерную черту въ критическихъ пріемахъ автора при экзегезисѣ посланія къ Ефесянамъ, что онъ, говоря его словами въ предисловіи, вовсе чуждъ „моднаго теперь оригинальничанія“. Если и указывается иногда въ настоящемъ изслѣдованіи на нѣкоторыя неточности въ нашемъ славянскомъ переводѣ, то авторъ всегда въ подобныхъ случаяхъ утверждаетъ на почвѣ церковнаго преданія и держится строго-научной положительной точки зрѣнія. Съ особенною ясностію это выступаетъ въ пониманіи авторомъ тѣхъ мѣстъ посланія, гдѣ апостоломъ Павломъ раскрываются глубочайшія тайны христіанскаго знанія, въ отношеніи которыхъ

многіе новѣйшіе богословы обнаруживаютъ наклонность произвольно упрощать ихъ смыслъ (напр. пониманіе извѣстнаго мѣста IV, 8—10 не въ смыслѣ ученія Апостола о схожденіи Христа Спасителя во адъ, а воплощенія Его, сошествія Его на землю). Вообще, насколько мы можемъ судить, авторъ въ своемъ экзегесисѣ особенно близко стоитъ къ св. Іоанну Златоусту.

Наконецъ въ числѣ общихъ замѣчаній относительно экзегетической части изслѣдованія мы должны указать на краткость экзегесиса автора. Самъ онъ считаетъ такую краткость необходимымъ требованіемъ отъ научнаго истолкованія (стр. I предисловія) и, дѣйствительно, всюду строго удовлетворяетъ этому требованію. Ничего лишняго, никакихъ ненужныхъ повтореній и излишнихъ поясненій мы не встрѣчаемъ въ трудѣ профессора Д. И. Богдашевского. Скорѣе можно, пожалуй, сказать, что авторъ черезчуръ строго преслѣдуетъ поставленную себѣ задачу—быть краткимъ при экзегесисѣ посланія, благодаря чему послѣдній, не смотря на полную ясность мысли и опредѣленность выраженія, нерѣдко поражаетъ сжатостью рѣчи, что естественно влечетъ за собою нѣкоторую трудность для читателя обнять мысли автора во всей полнотѣ. Впрочемъ, мы лично считаемъ такую сжатость совершенно необходимою для научнаго сочиненія.

Въ прибавленіяхъ къ своему труду профессоръ Д. И. Богдашевскій дѣлаетъ краткую характеристику древне-славянскихъ переводовъ посланія къ Ефесянамъ, о чемъ мы уже упоминали, и прилагаетъ указателя мѣстъ Св. Писанія и греческихъ словъ, получившихъ изъясненіе въ его изслѣдованіи.

Если въ заключеніи мы позволимъ себѣ высказать наше общее сужденіе о трудѣ профессора Д. И. Богдашевского, то безспорно прежде всего должны указать на богатство его содержанія, что уже не разъ попутно отмѣчалось нами. Авторъ въ первой части его изслѣдованія рассмотрѣны всѣ суще-

ственные вопросы относительно происхожденія посланія и при томъ разсмотрѣны со всею обстоятельностью; въ экзегетической же части обнаружена такая тщательность изслѣдованія текста посланія, такое глубокое проникновеніе въ смыслъ апостольскаго ученія, когда авторъ при необыкновенной сжатости экзегесиса не оставилъ безъ вниманія самыхъ тонкихъ оттѣнковъ мысли Апостола, что только поверхностный читатель можетъ не замѣтить и, даже болѣе, не поразиться богатствомъ представляемаго авторомъ матеріала для изученія посланія къ Ефесянамъ и тщательностію обработки послѣдняго. Настоящее изслѣдованіе безспорно представляетъ результатъ многолѣтняго труда автора и притомъ труда, совершеннаго съ любовью къ дѣлу, которая живо чувствуется всюду и является источникомъ особаго наслажденія при чтеніи сочиненія Д. И. Богдановскаго. Далѣе, въ разсматриваемомъ нами сочиненіи мы можемъ отмѣтить какъ необыкновенно цѣнную характерную его черту, что въ этомъ сочиненіи находится въ неразрывной гармоніи два существенно важныя, но къ сожалѣнію не часто встрѣчающіяся совмѣстно, качества: это полнѣйшая вѣрность церковному преданію при удовлетвореніи всѣмъ строгимъ истинно научнымъ требованіямъ отъ подобнаго рода изслѣдованій. Благодаря этому настоящий трудъ представляетъ, безъ сомнѣнія, не только выдающееся явленіе въ нашей русской богословской литературѣ, но займетъ видное мѣсто и вообще въ современной европейской наукѣ, какъ самостоятельное изслѣдованіе одного изъ новозавѣтныхъ писаній. Авторъ привлекъ для своего труда все существующее въ наукѣ по избранному имъ предмету изслѣдованія, но отъ начала до конца стоитъ на высотѣ ученой самостоятельности, нигдѣ, съ одной стороны, не преклоняясь рабски предъ мнимо научнымъ авторитетомъ, а съ другой, — не пренебрегая ни однимъ дѣйствительно цѣннымъ научнымъ приобрѣтеніемъ, хотя бы оно было сдѣлано представителями отрицательно—богословскаго направленія. Это строгое безпристрастіе автора, его чрезвычайно корректное отношеніе

къ чужимъ, даже грубо ошибочнымъ, мнѣніямъ, всегда ровный и спокойный тонъ полемики производятъ самое лучшее впечатлѣніе, свидѣтельствуя въ равной мѣрѣ и о сознаніи авторомъ своей личной силы въ борьбѣ съ противникомъ и умѣніи уважать послѣдняго.—Наконецъ, и внѣшняя сторона сочиненія—его стиль и языкъ вполне отвѣчаютъ существу избраннаго предмета и поставленной себѣ авторомъ цѣли и могутъ быть названы безукоризненными.

Едва ли надо и добавлять послѣ сказаннаго, что по нашему убѣжденію рассматриваемое изслѣдованіе даетъ автору его, Димитрію Ивановичу Богдашевскому, безспорное право на полученіе степени доктора богословія“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова:

„По общаю, получившему свое начало еще въ древней христіанской Церкви, проф. Богдашевскій дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ части—исагогическую (стр. 1—270) и экзегетическую (271—678). Въ первой онъ подробно рассматриваетъ вопросы, касающіеся мѣста и времени написанія посланія къ Ефессянамъ (гл. I, 1—42), его назначенія и повода къ написанію (гл. II, 43—126), подлинности и отношенія къ соборному посланію (1-го) ап. Петра (гл. III, 126—209. Гл. IV, 210—270). Во второй онъ изъясняетъ догматическую часть посланія (273—494) и правоучительную (496—678), изслѣдуя при этомъ текстъ посланія и критически освѣщая варианты его. Въ концѣ сочиненія находимъ прибавленіе, трактующее о древне-славянскихъ переводахъ посланія къ Ефессянамъ (679—688), и указателю изъясненныхъ мѣстъ Св. Писанія (689—695) и словъ, получившихъ изъясненіе (696—698), а въ самомъ началѣ—предисловіе (I—VII), въ которомъ авторъ излагаетъ свои соображенія, побудившія его взяться за составленіе настоящаго сочиненія, и отмѣчаетъ научные пріемы, примѣненные имъ къ изслѣдованію посланія къ Ефессянамъ, и свои отношенія къ источникамъ и пособиямъ. Изъ даннаго краткаго

описанія содержанія книги проф. Богдашевскаго видно, что она представляет собою полное и всестороннее изслѣдованіе названнаго посланія и что научныя качества ея могутъ быть опредѣлены выясненіемъ *характера* отношеній автора

а) *къ уче ой экзегетической литературѣ, касающейся посланія ап. Павла къ Ефесянамъ.* Русская экзегетическая литература могла дать автору весьма немного по изъясненію этого посланія; несравненно большимъ въ этомъ отношеніи обладаетъ западно-европейская экзегетическая литература; во многочисленныхъ сочиненіяхъ, рассматривающихъ посланіе къ Ефесянамъ, изученъ текстъ его, тщательно отмѣчены и критически освѣщены варианты его, изслѣдованы исagogическіе и экзегетическіе вопросы во всевозможныхъ направленіяхъ. Само собою разумѣется, что проф. Богдашевскій, предпринявшій изученіе этого посланія, долженъ былъ основательно ознакомиться съ означенною литературою и въ своемъ сочиненіи обозначить результаты изученія ея для показанія того, чѣмъ собственно его изслѣдованіе будетъ отличаться отъ западныхъ сочиненій подобнаго рода и въ чемъ оно можетъ сходствовать съ ними. И проф. Богдашевскій во всѣхъ, обсуждаемыхъ имъ, вопросахъ всегда точно выясняетъ *отношеніе* своей работы къ изслѣдованіямъ западныхъ экзегетовъ. Оно характеризуется слѣдующими чертами. Авторъ съ большимъ усердіемъ изучилъ относящуюся къ предмету его сочиненія западную экзегетическую литературу, опредѣлилъ существующія въ ней направленія—отрицательное, положительное и промежуточные и выяснилъ значеніе ихъ. Мнѣнія западныхъ комментаторовъ по вопросамъ исagogическимъ и экзегетическимъ исчисляются весьма подробно и излагаются ясно, иногда кратко, а иногда пространно, но всегда съ точнымъ знаніемъ ихъ; авторъ знакомитъ читателя даже съ такими гипотезами, которыя западная критика признаетъ баснями (206), а самъ онъ—фантазіями (191), вовсе не заслуживающими и разбора (190). Исчисленіе и изложеніе мнѣній западныхъ комментаторовъ за-

нимають значительную часть рассматриваемаго труда, — большую той, какая, по нашему разумѣнію, может по праву принадлежать имъ. Но кажущееся преувеличеннымъ вниманіе автора къ мнѣніямъ, даже вздорнымъ, западныхъ экзегетовъ объясняется заслуживающимъ уваженія стремленіемъ его къ возможно полному изученію и изслѣдованію всего, относящагося къ посланію къ Ефесянамъ.

Гипотезы и сужденія, доказательства и выводы западныхъ экзегетовъ отрицательнаго направленія подвергаются авторомъ основательной, содержательной и даже остроумной критикѣ. Можно также утверждать, что критическіе этюды автора очень хороши и удаются ему гораздо лучше, чѣмъ кое-что другое. Примѣръ образцовой критики мнѣній западныхъ комментаторовъ отрицательнаго направленія заимствуемъ изъ третьей главы первой части сочиненія, гдѣ подробно изслѣдуется вопросъ о подлинности посланія къ Ефесянамъ (127—209). Представленное здѣсь обстоятельное изложеніе мнѣній западныхъ ученыхъ, отрицающихъ подлинность посланія (139—148), ясно показываетъ, говорить проф. Боглашевскій, что возраженія заимствуются изъ богословія посланія, его отношенія къ посланію къ Колоссянамъ, языка и стиля. Соответственно этимъ троякаго рода возраженіямъ онъ предложилъ три трактата (149—207), въ которыхъ съ выдающеюся эрудиціей, знаніемъ богословія и литературныхъ свойствъ посланій ап. Павла подробно и побѣдоносно опровергнуты всѣ доводы и проистекающіе изъ нихъ выводы представителей рационалистической критики, отвергающей апостольское происхожденіе посланія къ Ефесянамъ. Полемиическій элементъ протекаетъ широкимъ и полнымъ русломъ чрезъ все сочиненіе проф. Боглашевскаго, суживаясь лишь къ концу его къ очевидной выгодѣ для положительнаго рѣшенія разныхъ вопросовъ, часто стѣсняемаго и затѣняемаго полемиическими пересудами мелочныхъ и неимѣющихъ никакого научнаго интереса мнѣній западныхъ ученыхъ. Но таково уже направленіе современной западной и русской

экзегетики, на высотѣ котораго безъ всякаго сомнѣнія стоитъ проф. Богдасhevскій.

Мнѣнія западныхъ комментаторовъ положительнаго на правленія иногда усвояются авторомъ, слѣдующимъ въ такихъ случаяхъ наставленію апостола: *хорошаго держитесь*. Но принятіе подобныхъ взглядовъ, сопровождающееся переоцѣнкою научнаго аппарата, умноженіемъ и болѣе тщательною детальною разработкою доказательствъ, на которыхъ они могутъ быть утверждаемы, нисколько не умаляютъ самостоятельности автора. Ибо высказывать разныя предположенія не трудно; гораздо труднѣе создать и разработать для нихъ прочную систему доказательствъ. Примѣромъ такого отношенія автора къ „наиболѣе принятымъ въ наукѣ взглядамъ“ можетъ служить его защищеніе мнѣнія, что подъ упоминаемымъ въ первомъ посланіи ап. Петра Вавилономъ нужно разумѣть Римъ (242 и дал.).

в) Къ обоснованію положительнаго рѣшенія собственннхъ взглядовъ по вопросамъ *исагогическихъ и экзегетическихъ*. Критическіе экскурсы, имѣющіе своимъ предметомъ гипотезы западныхъ комментаторовъ отрицательнаго на правленія, служатъ для проф. Богдасhevскаго лишь подготовленіемъ къ изслѣдованію и рѣшенію означенныхъ вопросовъ въ традиціонномъ направленіи, — расчисткою почвы для воздѣланія на ней теорій и ихъ аргументацій, имѣющихъ свое основаніе въ церковно-историческомъ преданіи. Это весьма важная задача, постановка которой дѣлаетъ честь достопочтенному профессору, — предпріятіе, знаменующее цѣлое направленіе въ разработкѣ и рѣшеніи *исагогическихъ и экзегетическихъ* вопросовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудно выполнимое при современномъ состояніи русской экзегетики. Эта задача во многихъ случаяхъ выполнена авторомъ вполне успѣшно: его теоріи основательны, разработанныя имъ доказательства убѣдительны, а выводы тверды и строго согласны съ духомъ церковно-историческаго преданія. Все же справедливость требуетъ замѣтить, что нѣко-

торыя гипотезы автора, по основной мысли, лежащей въ каждой изъ нихъ, и по доказательствамъ, на которыхъ онѣ утверждаются имъ, не могутъ быть признаны столь же удачными, какъ его критическіе экскурсы. Оtmѣтимъ здѣсь два примѣра. Во второй главѣ 1-й части проф. Богдасhevскій подвергаетъ чрезвычайно доказательной ученой критикѣ мнѣніе западныхъ экзегетовъ, что посланіе не назначалось Ефессянамъ (49—110) и что первоначально безъ словъ „во Ефесѣ“ читался въ посланіи первый стихъ 1-ой главы: *святѣишии во Ефесѣ и вѣрныи*, такъ какъ при существованіи означенныхъ словъ будто бы нельзя или по крайней мѣрѣ трудно поставить въ соотношеніе предикаты: *святѣишии* и *вѣрныи*. Авторъ твердо доказалъ, что слова *во Ефесѣ* всегда находились въ текстѣ посланія, и предложилъ опытъ „правильнаго пониманія соотношенія предикатовъ *святѣишии* и *вѣрныи*“ (72 и дал.). Слово „свѣи“, говоритъ онъ, не всегда означаетъ личную святость христіанъ, но указываетъ на внѣшнюю принадлежность ихъ къ христіанской церкви; слѣдовательно, слово „свѣи“ употреблено вмѣсто слова „христіане“, предикатъ „вѣрныи“, прилагаемый тоже къ христіанамъ, указываетъ на ихъ „внутреннюю сопринадлежность ко Христу“. „Въ первой части выдвигается объективный моментъ, а во второй субъективный“ (74). Это очень остроумный и правильно намѣченный способъ рѣшенія спорнаго вопроса въ традиціонномъ направленіи, но аргументацію лежащей въ основѣ его мысли слѣдуетъ признать слабою. Совсѣмъ непонятно, почему Апостолъ къ однимъ и тѣмъ же Ефесскимъ христіанамъ прилагаетъ предикатъ, не указывающій на ихъ духовное совершенство въ вѣрѣ и нравственной жизни, и въ тоже время придаетъ другой предикатъ, обозначающій это именно совершенство. Ясно, что авторъ извлекаетъ изъ этихъ предикатовъ аргументъ для своей мысли, благодаря неточному изъясненію значенія ихъ. Въ древней Церкви свѣи назывались христіане, еще недостигшіе, но стремящіеся достигнуть совершенства, и уже достигшіе его; первые именовались свѣи въ несобствен-

номъ, усвоенномъ и проф. Богдашевскимъ, смыслѣ, а вторые въ собственномъ. О такомъ двоякомъ значеніи *ἅγιος* свидѣтельствуетъ Оригенъ. Какъ занимающійся философіей, говоритъ онъ, уже называется философомъ, такъ и начинающій посвящать себя служенію Богу называется уже святымъ, хотя можетъ еще грѣшнить, пока посредствомъ упражненія не отстанетъ отъ привычки грѣшнить. По собственному значенію предикать „святой“ едва ли можетъ быть отличаемо отъ предиката „вѣрный“, такъ какъ тотъ и другой прилагались къ христіанамъ для обозначенія твердости ихъ вѣры и чистоты нравственной жизни. „Кто, говорятъ Исаакъ Сиринъ, не сохранилъ заповѣдей и не шествовалъ по слѣдамъ блаженныхъ Апостоловъ, тотъ недостойнъ именоваться святымъ“. Изъ сказаннаго видно, что предикаты „святой и вѣрный“ въ привѣтствіи къ Ефессянамъ употребляются въ какомъ-то особомъ несобственномъ значеніи, которое и должно быть выяснено на основаніи содержанія посланія къ Ефессянамъ. Все содержаніе его направлено къ Ефесскимъ іудео-христіанамъ и языко-христіанамъ; первыхъ онъ называетъ святыми, а вторыхъ вѣрными. И проф. Богдашевскій на стр. 417—418 говоритъ въ изъясненіи 19 и 20 ст. 2-ой гл.: „подъ святыми нельзя разумѣть христіанъ вообще, а разумѣются преимущественно іудео-христіане“. Въ такомъ случаѣ слова ап. Павла: *святимъ, суцимъ во Ефесѣ, и вѣрнымъ*—по смыслу, усвояемому имъ Апостоломъ, должны быть передаваемы такъ: *іудео-христіанамъ, суцимъ во Ефесѣ, и языко-христіанамъ*.—Обратимся къ другому примѣру. Въ IV главѣ (210—265) первой части своего сочиненія авторъ изслѣдуетъ вопросъ объ отношеніи посланія къ Ефессянамъ къ первому посланію ап. Петра. Замѣчаемое сходство означенныхъ посланій въ мысляхъ и выраженіяхъ служить для западныхъ экзегетовъ основаніемъ разрѣшать этотъ вопросъ двояко: „по мнѣнію однихъ, посланіе къ Ефессянамъ стоитъ въ зависимости отъ перваго соборнаго посланія ап. Петра; по мнѣнію другихъ, наоборотъ, ап. Петръ зналъ посланіе къ Ефеся

намъ и пользовался имъ" (210). Проф. Богдашевскій съ большою эрудиціей, съ знаніемъ апостольскихъ писаній и исторіи апостольскаго періода доказаль, что посланіе къ Ефесянамъ, написанное раньше перваго посланія ап. Петра, не можетъ находиться въ идейной и литературной зависимости отъ послѣдняго и что составленныя западными комментаторами таблицы параллелей, долженствующія наглядно показывать значительную литературную зависимость перваго посланія ап. Петра отъ посланія къ Ефесянамъ произвольны, искусственны и ни въ какомъ случаѣ не препятствуютъ посланію ап. Петра быть „произведеніемъ совершенно оригинальнымъ“. Но мнѣніе автора, что „о литературной зависимости посланія св. Петра отъ посланія къ Ефесянамъ не можетъ быть рѣчи" (261), не получило надлежащаго обоснованія. Въ первомъ посланіи есть многія, какъ хорошо показаль проф. Богдашевскій, мысли и выраженія, находящіяся и во второмъ; авторъ называетъ ихъ *воспоминаніями* изъ посланія къ Ефесянамъ. Это объясненіе, явно противорѣчащее намѣренію автора: ибо *воспоминанія* изъ посланія къ Ефесянамъ, или что тоже—воспроизведеніе чужихъ мыслей и выраженій служить признакомъ литературной зависимости. Надлежащее объясненіе *сходства* въ двухъ посланіяхъ можетъ быть найдено болѣе широкимъ изслѣдованіемъ характера сходства и условій, при которыхъ оно могло образоваться. Дѣлая замѣчанія по указаннымъ двумъ примѣрамъ, мы ни на минуту не забывали помнить о трудностяхъ, какія встрѣчались автору на пути, по которому онъ повелъ свое изслѣдованіе важнѣйшихъ исагогическихъ проблемъ; можно считать достаточнымъ сдѣланное въ этомъ отношеніи авторомъ, возвысившимся, благодаря своей эрудиціи, до созданія собственныхъ теорій и гипотезъ.

с) Къ Св. Писанію и историческому церковному преданію. Для рѣшенія вопросовъ полемическихъ, исагогическихъ и особенно экзегетическихъ, касающихся посланія къ Ефесянамъ, Св. Писаніе и историческое церковное преданіе

служать главѣйшимъ источникомъ, изъ котораго почерпаются необходимый матеріалъ и доказательства, и критеріемъ для испытанія теорій западныхъ комментаторовъ отрицательнаго и положительнаго направленій. Множество вопросовъ, разсматриваемыхъ проф. Богдашевскимъ, требовало отъ него обширнаго знанія Св. Писаній. Такое знаніе и обнаружено имъ въ многочисленныхъ трактатіяхъ, въ которыхъ онъ изъясняетъ значеніе словъ изъ ихъ употребленія въ Св. Писаніи, опредѣляетъ понятія, ими (словами) обозначаемыя, опровергаетъ параллели, изъ разныхъ мѣстъ апостольскихъ писаній составленныя западными критиками, отрицающими подлинность посланія къ Ефесянамъ и доказывающими компилятивность его, поясняетъ догматическое и нравственное ученіе ап. Павла. Трактатіи этого рода составляютъ лучшую, наиболѣе твердую по своимъ выводамъ и наиболѣе полезную для русскихъ богослововъ часть сочиненія проф. Богдашевского. Могущія возникнуть возраженія противъ нѣкоторыхъ истолкованій мѣстъ Св. Писанія не могутъ вообще поколебать научное значеніе этого элемента разсматриваемаго сочиненія.

Столь же высокое научное значеніе имѣютъ аргументаціи многихъ тезисовъ автора, *построенныя на церковно-историческомъ преданіи*. Подъ симъ преданіемъ онъ разумѣетъ всегда живущее въ Церкви знаніе апостольскаго происхожденія посланія къ Ефесянамъ и творенія церковныхъ отцовъ — носителей церковнаго преданія, церковнаго разумѣнія и истолкованія его. Отцы и учителя Церкви были для проф. Богдашевского, по его собственнымъ словамъ, всегдашними руководителями и „при внимательномъ изученіи обширной западной литературы“ и „въ рѣшеніи труднѣйшихъ исagogическихъ и экзегетическихъ вопросовъ“. Благодаря такому отношенію къ церковному преданію, его хранителямъ и истолкователямъ, авторъ желалъ сохранить и дѣйствительно сохранилъ „строго научную положительную точку зрѣнія, оправдываемую“ этимъ преданіемъ (стр. II), достигъ выдающагося успѣха въ оцѣнкѣ

теорій западныхъ экзегетовъ; примѣры удачнаго употребленія въ ней свидѣтельствъ древнихъ церковныхъ писателей можно видѣть на стр. 43—67, 127—139 и во многихъ другихъ мѣстахъ. Столь же успѣшно авторъ пользуется сочиненіями церковныхъ писателей въ изъясненіи посланія къ Ефессянамъ, въ провѣркѣ текста и въ критикѣ варіантовъ его. Несомнѣнно также и то, что въ историческомъ церковномъ преданіи авторъ получилъ воздѣйствіе къ созданію нѣкоторыхъ собственныхъ замѣчательныхъ возвращеній и наиболѣе удачныхъ объясненій многихъ мѣстъ посланія къ Ефессянамъ. Можно только выразить сожалѣніе, что авторъ использовалъ сравнительно назначительное количество твореній древнихъ церковныхъ отцовъ; онъ привлекъ къ своей работѣ сочиненія мужей апостольскихъ, писателей 3-го вѣка; у отцовъ 4-го вѣка взято немногое и какъ бы случайно, только толкованія І. Златоуста и бл. Теодорита на посланіе къ Ефессянамъ использованы въ надлежащей мѣрѣ. А между тѣмъ въ твореніяхъ древнихъ церковныхъ писателей встрѣчаются и мѣста изъ посланія къ Ефессянамъ и объясненіе ихъ, могшія оказать существенное вліяніе на содержаніе предложеннаго проф. Богданевскимъ толкованія посланія къ Ефессянамъ. Приведемъ примѣръ; на стр. 501 и 502 авторъ даетъ довольно неопредѣленное, сопровождаемое даже полемикою съ западными экзегетами, объясненіе слова *πραότης*. Въмѣсто всего, сказаннаго по этому поводу, можно было воспользоваться слѣдующимъ замѣчаніемъ Григорія Богослова: „Спокойствіе въ отношеніи къ оскорбленію есть негибчивость (*ἀσχυρία*), которую у древнихъ называли кротостію (*πραότης*). Здѣсь даны краткое, но точное опредѣленіе *πραότης* и указаніе, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ объяснять это слово. Это свидѣтельство древняго ученаго мужа можно было бы предпочесть сомнительнымъ разсужденіямъ Элликота и Тренча. Впрочемъ, слѣдуетъ усматривать не малую заслугу автора уже и въ томъ, что проф. Богданевскій выяснилъ руководственное значеніе историческаго церковнаго преданія въ экзегетикѣ, извлекъ изъ этой обшир-

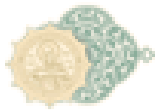
нѣйшей области потребный, *по его мнѣнію*, матеріалъ и съ успѣхомъ использовалъ его.

д) *Къ изъясненію (экзегесису) посланія къ Ефесянамъ.* Выраженные авторомъ въ предисловіи взгляды на методъ и задачу истолкованія названнаго посланія нуждаются въ поясненіяхъ, безъ которыхъ высокія качества экзегетической части сочиненія проф. Богдашевского могутъ и не выступать въ надлежащемъ свѣтѣ. „Экзегесисъ, говоритъ авторъ, долженъ утверждаться главнымъ образомъ на филологіи, носить вездѣ критическій характеръ, отличаться возможною краткостію“ и простирается „на каждое апостольское реченіе“ (стр. I); задача его полагается въ обращеніи „особеннаго вниманія на изслѣдованіе текста посланія, критическое освѣщеніе разныхъ его варіантовъ“ (II). Въ приведенныхъ словахъ не находимъ ни точнаго указанія на методъ экзегесиса, ни полнаго опредѣленія задачи его; но то и другое можетъ быть найдено краткимъ поясненіемъ вышеприведенныхъ сужденій автора и обозначеніемъ признаковъ экзегесиса, предложеннаго въ разсматриваемой книгѣ. Изъясненіе каждой свящ. книги опирается, соотвѣтственно содержанию ея, на многія отрасли знанія—на исторію, археологію, филологію, философію, богословіе и т. д.; посланіе къ Ефесянамъ ни въ какомъ случаѣ не составляетъ исключенія; слѣдовательно, мнѣніе проф. Богдашевского, что *экзегесисъ долженъ утверждаться главнымъ образомъ на филологіи*, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что онъ, авторъ, *главнымъ образомъ утверждаетъ* свое толкованіе посланія на одной опорѣ—филологіи,—что дѣйствительно и наблюдается въ его изъясненіи посланія къ Ефесянамъ. Противъ слишкомъ широкаго примѣненія этой опоры экзегесиса не возражаемъ, такъ какъ каждый авторъ воленъ разсматривать предметъ своего сочиненія съ угодной ему точки зрѣнія. Подъ филологическою же основою своего экзегесиса авторъ разумѣетъ главнымъ образомъ *грамматическій способъ* (методъ) истолкованія посланія. Признаки его, проявившіеся въ сочиненіи проф. Богдаше-

скаго: взявъ извѣстный стихъ посланія, авторъ выясняетъ грамматическую и логическую связь его съ предыдущими и послѣдующими стихами, отмѣчаетъ соподчиненность предложений, указываетъ подлежащія и сказуемыя; зависимость и значеніе падежей именъ существительныхъ и прилагательныхъ, разъясняетъ смыслъ и употребленіе предлоговъ, нарѣчій и другихъ частицъ. При этомъ авторъ ведетъ полемику съ западными экзегетами, которые, по его мнѣнію, не всегда правильно изъясняютъ грамматически слова посланія; къ этой полемикѣ и относится, по видимому, замѣчаніе автора, что экзегесисъ долженъ „носить вездѣ критическій характеръ“, потому что критика, могущая сопровождаться не только положительными, но и отрицательными результатами, не примѣнима къ изъясненію ученія ап. Павла. Сущность употребленія этого метода состоитъ въ подведеніи реченій апостольскихъ подъ общезвѣстные грамматическія правила; отсюда происходитъ то, что экзегесисъ посланія къ Ефесянамъ заключаетъ въ себѣ рядъ повторныхъ курсовъ грамматики. Методъ грамматическій имѣетъ большое значеніе для экзегета: онъ способствуетъ точному уразумѣнію смысла изъясняемой книги и подготавливаетъ почву для экзегесиса въ собственномъ смыслѣ. Этими выгодами грамматического метода въ полной мѣрѣ воспользовался проф. Богдашевскій; его изъясненіе посланія къ Ефесянамъ отличается правильнымъ пониманіемъ апостольскаго ученія и точнымъ изложеніемъ его; неумѣренное же примѣненіе этого метода можетъ быть оправдываемо господствомъ его въ западной экзегетикѣ, съ которою авторъ не могъ не считаться.

Въ тѣсной связи съ грамматическимъ методомъ изъясненія посланія къ Ефесянамъ стоитъ указаніе автора на то, что главнѣйшую задачу при изъясненіи посланія онъ полагалъ въ изслѣдованіи текста посланія, въ критическомъ освѣщеніи вариантовъ его, ибо грамматическій разборъ и критическое освѣщеніе текста посланія—работы родственныя между собою. Вполнѣ соглашаемся съ авторомъ, что это—задача трудная и даже очень

трудная; она выполнена имъ съ великимъ прилежаніемъ, а самое выполненіе ея представляетъ собою цѣнный элементъ экзегетической части его сочиненія. Но несомнѣнно то, что расширеніе этой задачи въ связи съ увлеченіемъ грамматическимъ разборомъ и полемикою съ западными грамматистами—экзегетами могло быть произведено на счетъ умаленія другой, болѣе высокой, задачи всякаго экзегесиса—изъясненія апостольскаго ученія. Сочиненія, изслѣдующія книги Св. Писанія, бываютъ разныхъ родовъ, смотря по тому, какая сторона св. книги изучается; здѣсь достаточно вспомнить о работахъ библейско-филологическихъ и экзегетическихъ. Первые изслѣдуютъ внѣшнюю сторону св. книги—ея текстъ, а вторыя внутреннюю—ея ученіе. Изслѣдованія обоихъ видовъ могутъ такъ близко соприкасаться между собою, что матеріалъ и методъ одного вида изслѣдованія можетъ по указанію нужды, входить въ другой, занимая здѣсь подчиненное положеніе. Такое именно положеніе въ экзегетической части сочиненія профессора Богдашевскаго должно было занимать то, что онъ называетъ филологіей, долженствующей, по вѣрному замѣчанію его, служить опорой для экзегесиса, но ему не удалось установить правильно соотношеніе между экзегесисомъ и одною изъ его опоръ—филологіей: грамматическія экзерциціи и безпрестанныя полемическія схватки изъ-за нихъ вели къ оттѣсненію изъясненія апостольскаго ученія на задній планъ. Теперь становится понятнымъ изобрѣтенное авторомъ экзегетическое правило: *„экзегесисъ долженъ отличаться возмочною краткостію“*. Это правило невѣрно въ самой сущности своей; ибо мѣрою изъясненія служить не краткость или обширность его, а степень устраненія темноты подлежащаго изъясненію выраженія; есть въ посланіи мѣста, не нуждающіяся въ объясненіи; для другихъ потребно только краткое поясненіе, а для третьихъ—обширное. Пояснимъ это примѣрами изъ книги проф. Богдашевскаго; на стр. 308 (въ текстѣ и въ примѣчаніи), 412, 413 и 414 онъ объясняетъ значеніе *δὸς τοῦτο*, *καί*, *ὅτι*. Данныя здѣсь объясненія,

не смотря на малое, занимаемое ими мѣсто, признаемъ весьма обширными, потому что читатели, для которыхъ назначается книга, совсѣмъ не нуждаются въ нихъ. Помѣщенное на 370 стр. объясненіе *υρρητοτης* должно считать очень краткимъ, такъ какъ въ немъ не опредѣлено даже понятіе, симъ словомъ обозначаемое; здѣсь же авторъ заявляетъ, что на раскрытіи основныхъ понятій богословія св. Павла (вѣра и дѣла, благодать и законъ) нѣтъ никакой возможности останавливаться: въ данномъ случаѣ нужно бы дать обширное объясненіе, а авторъ отрекается даже отъ краткаго объясненія; встрѣчаются страницы, на которыхъ вмѣсто экзегесиса предлагается краткій пересказъ содержанія стиховъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ заявить, что авторъ не оказался точнымъ исполнителемъ своего экзегетического правила: уже въ экзегесисѣ догматической части посланія встрѣчаемъ подробныя объясненія апостольскаго ученія, а въ истолкованіи нравоучительной части экзегесисъ вступаетъ въ свои полныя права, а филологіи отводится подобающее ей мѣсто; въ общемъ же получается то, что предложенное проф. Богданевскимъ истолкованіе посланія къ Ефесянамъ не теряетъ существенныхъ признаковъ экзегетического изслѣдованія, нигдѣ не переходитъ ни въ догматическій или нравоучительный трактатъ преимущественно, ни въ филологическую работу исключительно, и обладаетъ качествами цѣннаго экзегетического труда. Находящееся въ экзегетической части сочиненія изслѣдованіе текста посланія и критическое обзорѣніе вариантовъ его имѣютъ весьма важное значеніе не только для экзегетики, но и для другихъ богословскихъ наукъ; пріятную и вмѣстѣ полную научнаго интереса новинку представляетъ привлеченіе славенскихъ переводовъ къ изученію текста посланія и освѣщенія его вариантовъ. Это—работа кропотливая, тяжелая, но въ тоже время въ высшей степени полезная; авторъ показалъ въ ней хорошій примѣръ русскимъ изслѣдователямъ Св. Писанія.

Изъ всего сказаннаго о сочиненіи проф. Д. Богдашевскаго слѣдуетъ, что оно по всесторонности изслѣдованія посланія къ Ефесянамъ, по обильной эрудиціи, обнаруженной въ немъ авторомъ, обстоятельному рѣшенію исагогическихъ и экзегетическихъ вопросовъ въ строго церковномъ традиціонномъ духѣ, критическому обзрѣнію текста посланія и его вариантовъ представляетъ собою трудъ высокой научно-богословской цѣнности, вполне соотвѣтствующей цѣли, для достиженія которой онъ составленъ“.

Постановили: Сочиненіе экстраординарнаго профессора Киевской Духовной Академіи, магистра богословія Дмитрія Богдашевскаго, подъ заглавіемъ „Посланіе святаго Апостола Павла къ Ефесянамъ“ (Кіевъ, 1904), согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени доктора богословія и просить ходатайства Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Киевскаго Флавіана предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи профессора Дмитрія Богдашевскаго въ степени доктора богословія, на основаніи § 142 и 81 в. 6 Уст. дух. акад.

IV. Отзывы экзаменаціонныхъ комиссій, производившихъ въ августѣ текущаго года испытанія воспитанникамъ, явившимся для поступленія въ число студентовъ I курса Академіи:

а) Комиссія, разсматривавшей сочиненіе богословскаго содержания: „Сочиненіе богословскаго содержанія поступающіе въ Академію студенты писали на тему: „оуществима ли теперь въ жизни христіанская идея единства при наличности крайняго индивидуализма и націонализма“. Почти всѣ писавшіе дали удовлетворительный отвѣтъ на предложенный вопросъ, указавъ на возможность дѣйствительнаго осуществленія начала единства жизни во вселенской Церкви. Существеннымъ недостаткомъ сочиненій, за очень немногими исключеніями, надо признать непониманіе писавшими термина „индивидуализмъ“, когда

последній опредѣляется ими какъ чисто животный эгоизмъ. Благодаря этому самая картина современной жизни, въ изображеніи писавшихъ сочиненіе, не представляетъ ничего дѣйствительно характернаго для нашего времени, а высказываются только общія положенія о грѣховности и пагубности эгоизма вообще. Но если отрѣшиться отъ этого недостатка въ содержаніи сочиненій, то послѣднія производятъ пріятное впечатлѣніе, отличаясь послѣдовательностію въ теченіи и развитіи мыслей, равно какъ вполне удовлетворительною внѣшнею стороною ихъ выраженія. Сочиненій вовсе неудачныхъ почти нѣтъ, какъ нѣтъ, впрочемъ, и особо выдающихся. Въ средней оцѣнкѣ, однако, сочиненія можно признать болѣе чѣмъ удовлетворительными“.

б) Комиссія, разсматривавшей сочиненіе философскаго содержанія: „Для философскаго сочиненія явившимся въ августѣ 1904 года для поступленія въ число студентовъ Академіи воспитанникамъ предложена была слѣдующая тема: „Если философія есть исканіе истины, тогда какъ христіанинъ обладаетъ истиною, то можетъ ли философія имѣть какое либо значеніе для христіанина?“ Огвѣчая на вопросъ темы, конечно, утвердительно, экзаменовавшіеся развивали общія мысли о томъ, что философія старается уяснить истину, доказать достовѣрность ея, защитить ее отъ нападеній; очень немногіе сдумѣли придать кое-какую свѣжесть своимъ сужденіямъ и мыслямъ. Оттого всѣ сочиненія по набору мыслей, по плану и даже по изложенію ихъ оказались по существу очень сходными между собою, — конечно потому, что матеріалъ для своихъ экспромтныхъ сочиненій воспитанники черпали главнымъ образомъ изъ семинарскихъ руководствъ по философіи, сравнительно мало присоединяя къ этому что либо изъ чтаннаго на сторонѣ. Въ общемъ сочиненія обнаружили способность экзаменовавшихся разбираться въ имѣющемся у нихъ запасѣ свѣдѣній и излагать свои мысли правильнымъ языкомъ; погрѣшностей противъ граммати-

ки замѣчено сравнительно немного. Лучшія сочиненія представлены казенными воспитанниками Кишиневской, Симбирской, Уфимской, Литовской и однимъ изъ волонтеровъ Харьковской семинаріи“.

в) Комиссія, разсматривавшей поученіе: „Всѣхъ, писавшихъ поученія, было 50 человекъ, изъ коихъ 44 русскіихъ воспитанника духовныхъ семинарій, 1 русскій студентъ Юрьевскаго университета изъ бывшихъ воспитанниковъ семинаріи, 1 студентъ Варшавскаго ветеринарнаго института также изъ бывшихъ воспитанниковъ семинаріи, 3 діакона—сирійца и 1 румынъ. Темою для поученія былъ предложенъ евангельскій текстъ: „услышати имате брани и слышанія бранемъ. Зрите, не ужасайтесь“ (Мѡ. XXIV, 6). Въ общемъ писавшіе представили удовлетворительный опытъ поученія на данный текстъ. Большинство правильно истолковало текстъ и удачно примѣнило объясненіе его къ современному событію—русско-японской войнѣ. Поученія нѣкоторыхъ изъ писавшихъ замѣтно выдѣляются изъ среды другихъ особенною назидательностію содержанія и живостію и плавностію изложенія.—Въ качествѣ выдающихся недостатковъ прочитанныхъ комиссіею поученій могутъ быть отмѣчены слѣдующіе: отвлеченность, сухость и схоластичность, показывающія въ писавшихъ недостаточное умѣніе и слабый навыкъ составлять такой родъ духовныхъ произведеній, какъ церковная проповѣдь. Поученія нѣкоторыхъ представляютъ скорѣе экзегетическіе опыты на данный текстъ или отвлеченныя школьныя разсужденія о разныхъ предметахъ, напр., о необходимости войны, о неестественности и незаконности войны, о причинахъ и слѣдствіяхъ войны, или же, наконецъ, сухія хриі, составленныя по всѣмъ правиламъ схоластики, на тему о грѣхѣ, о происхожденіи зла, о причинѣ бѣдствій, о перенесеніи скорбей, чѣмъ церковное поученіе. О такомъ же недостаткѣ умѣнія и навыка составлять проповѣди свидѣтельствуетъ, по мнѣнію комиссіи, особенная склонность нѣкоторыхъ изъ пи-

савшихъ къ употребленію иностранныхъ словъ и ссылокъ на свѣтскихъ писателей въ родѣ Бокля“.

г) Комиссіи, производившей испытаніе по священному писанію ветхаго завіта: „явившіеся къ приемнымъ испытаніямъ для составленія новаго (LXI) академическаго курса студенты семинарій обнаружили въ общемъ достаточное знакомство съ курсомъ Ветхаго Завіта по программѣ духовныхъ семинарій. На всѣ вопросы программы, главныя и второстепенныя, общіе и частныя, комиссіею были получаемы обычно удовлетворительныя, часто и болѣе чѣмъ удовлетворительныя отвѣты. Существующія и употребительныя въ семинаріяхъ учебныя роководства и пособія при чтеніи св. книгъ Ветхаго Завіта, видимо, изучены и усвоены всѣми должнымъ образомъ. Не столь часто приходилось наблюдать у экзаменующихся точное и отчетливое знаніе самаго текста библейскихъ книгъ. Невозможность прочитывать полностью библейскія книги въ классномъ изученіи ихъ, повидимому, не всегда восполнялась домашнимъ чтеніемъ опускаемыхъ программю и класснымъ изученіемъ отдѣловъ библейскихъ. Не всегда также умѣли экзаменующіеся сдѣлать сопоставленіе славянскаго и русскаго переводовъ того или другаго библейскаго текста. Вслѣдствіе всего этого, не всегда точно и опредѣленно указывалась своеобразная или, такъ сказать, индивидуальная сущность содержанія той или иной библейской, особенно пророческой, книги; не всегда удачно опредѣлялось идейное (а частію даже и внѣшне-хронологическое) соотношеніе отдѣльныхъ священныхъ книгъ. За всѣмъ тѣмъ, существеннѣйшая часть содержанія ветхозавѣтныхъ библейскихъ книгъ—мессіанскія прообразованія и пророчества оказывались достаточно извѣстными всѣмъ, и при томъ какъ въ отдѣльныхъ моментахъ, такъ и въ цѣломъ составѣ ветхозавѣтной мессіологіи. Замѣтную особенность настоящаго испытанія по Ветхому Завіту образуетъ, наконецъ, характерная ровность отвѣтовъ, по ихъ относительному достоинству безъ значитель-

ныхъ колебаній въ ту или иную сторону. Въ общемъ отвѣтовъ хорошихъ значительно больше чѣмъ отвѣтовъ средняго достоинства. Слабыхъ отвѣта дано было лишь два: волонтеромъ изъ румынъ и волонтеромъ же студентомъ Ставропольской семинаріи и Юрьевского университета“.

д) Комиссія, производившей испытаніе по священному писанію новаго завѣта: „Изъ 49 воспитанниковъ, подвергавшихся испытанію, большинство дало отвѣтъ удовлетворительный, а нѣкоторые обнаружили даже очень хорошее знаніе новозавѣтнаго текста. Какъ и въ прежніе, впрочемъ, годы замѣчалось часто слабое изъясненіе Писанія, даже классическихъ его мѣстъ: многіе ограничивались несовершеннымъ перифразомъ текста, а иногда просто только чтеніемъ его. Не ясно излагалось эсхатологическое ученіе ап. Павла, равно ученіе его о законѣ, о предопредѣленіи, о судьбѣ Израиля. Обнаружено нѣкоторыми слабое знаніе кн. Дѣяній Апостольскихъ, особенно рѣчей ап. Петра, путешествій ап. Павла. Встрѣчались отвѣты, гдѣ воспитанникъ больше, видно, изучалъ учебникъ, нежели текстъ Писанія,—напр. очень хорошо говорилъ о лжеучителяхъ, обличаемыхъ въ посланіи къ Колоссянамъ, но не могъ указать ни одного почти мѣста, гдѣ находится это обличеніе, или хорошо разъяснял поводъ къ написанію второго посланія къ Коринѳянамъ, но не обнаружилъ знакомства даже съ первою главою этого посланія, а отъ изложенія третьей главы посланія совершенно отказался. Въ указаніи разностей евангельскихъ повѣствованій и примиреніи этихъ разностей замѣчалось не одинъ разъ отвѣты спутанные; допускались иногда крупныя ошибки въ церковной географіи, напр., не различали Антиохіи Сирійской отъ Антиохіи Писидійской.—Лучшіе отвѣты дали студенты семинарій: Харьковской, Холмской, Кишиневской, худшіе—Архангельской, Ставропольской, Воронежской“.

е) Комиссія, экзаменовавшая по догматическому богословію: „Комиссія, производившая пріемное испытаніе по предмету

догматическаго богословія, долгъ имѣть донести Совѣту Академіи:

1) Къ испытанію явились 49 человекъ. Изъ нихъ пятеро дали отвѣты весьма хорошіе (5, 5—), двадцать три—очень хорошіе (4+, 4, 4—), остальные—удовлетворительные (3+, 3, 3—). Перевѣсъ въ сторону лучшихъ отвѣтовъ и отсутствіе отвѣтовъ неудовлетворительныхъ даютъ комиссіи основаніе къ заключенію, что преподаваніе догматическаго богословія въ семинаріяхъ стоитъ на совершенно удовлетворительномъ уровнѣ.

2) Въ лучшихъ отвѣтахъ комиссіей усмотрѣны твердое и совершенно осмысленное знаніе семинарскаго учебника по догматическому богословію, вполне достаточное знакомство съ вѣроисповѣдными разностями и здоровое богословское мышленіе.

3) Лучшие отвѣты получены отъ воспитанниковъ, присланныхъ на казенный счетъ (изъ 28 высшихъ балловъ 15 приходится на долю назначенныхъ воспитанниковъ, числомъ двадцать). Высшій баллъ (5) получили воспитанники семинарій: Кышиневской, Оренбургской, Таврической, Тамбовской и Харьковской“.

ж) Комиссіи, производившей испытаніе по всеобщей церковной исторіи: „По общей церковной исторіи всѣ воспитанники на приѣмномъ экзаменѣ въ августѣ 1904 года отвѣчали болѣе или менѣе удовлетворительно. Большая часть экзаменующихся въ своихъ отвѣтахъ не выходила изъ предѣловъ семинарскаго учебника, но иные обнаруживали и болѣе обширныя свѣдѣнія, полученные изъ другихъ источниковъ. Сравнительно лучшими были отвѣты воспитанниковъ, присланныхъ на казенный счетъ. Высшіе баллы получили воспитанники семинарій: Вологодской, Донской, Киевской, Курской, Новгородской, Таврической, Тамбовской, Тульской, Харьковской и Холмской; низшіе—воспитанники Подольской, Оренбургской и Киевской семинарій“.

3) Комиссія, экзаменовавшая по древнимъ языкамъ: „Комиссія, производившая приемныя испытанія по древнимъ языкамъ, долгъ имѣть донести Совѣту Академіи о результатахъ сихъ испытаній:

а) *по греческому языку.* Изъ 27 воспитанниковъ семинарій, державшихъ экзамены по греческому языку, 16 студентовъ оказали отличные и очень хорошіе успѣхи, а 11 — удовлетворительные. Недостатки, обнаруженные экзаменовавшими, заключаются въ нетвердомъ знаніи глаголовъ второго спряженія (на *μ*) и такъ называемыхъ неправильныхъ глаголовъ, соотносительныхъ мѣстоимѣній и нарѣчій, энклитическихъ частицъ, употребленія предлоговъ, въ смѣшенія словъ, видимо сходныхъ въ произношеніи (напр. *κοινός* и *κοινός*, *χρηστός* и *χριστός* и поч.). Лучше другихъ отвѣчали воспитанники семинарій — Холмской (двое получили по 5), Подольской, Таврической, Симбирской и Тамбовской. Слабѣ другихъ отвѣчали волонтеры семинарій Оренбургской и Новгородской.

б) *по латинскому языку.* Повѣрочному испытанію по латинскому языку подвергались 19 воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Познанія по латинскому языку большинства экзаменовавшихся оказались вполне удовлетворительными. Болѣе или менѣе удовлетворительными оказались познанія и прочихъ изъ экзаменовавшихся воспитанниковъ семинарій. Всѣ они обнаружили въ достаточной степени знакомство съ строемъ латинской рѣчи и навыкъ къ пониманію смысла въ предлагавшихся имъ для перевода съ латинскаго языка на русскій и для грамматическаго разбора отрывкахъ изъ переводимыхъ въ духовныхъ семинаріяхъ произведеній Цицерона и Лактанція. Но въ отвѣтахъ нѣкоторыхъ изъ экзаменовавшихся было замѣчено нетвердое знаніе латинской грамматики, незнаніе значенія многихъ изъ весьма употребительныхъ латинскихъ словъ, сходныхъ по произношенію или по начертанію, недостаточное вниканіе въ грамматическій строй и мысль переводимыхъ мѣстъ,

отсутствіе навыка къ точному переводу и незнакомство съ жизнію и литературною дѣятельностію тѣхъ писателей, произведенія которыхъ читаются въ духовныхъ семинаріяхъ. Наиболѣе удовлетворительныя отвѣты принадлежатъ воспитанникамъ семинарій: Курской, Тамбовской, Тульской (одному изъ волонтеровъ), Холмской (волонтеру), Вологодской и Ставропольской“.

Постановили: Копія отзывовъ приложить къ представленію въ Святѣйшій Синодъ о послѣдствіяхъ пріемныхъ испытаній въ Академіи.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 октября 1904 г. Согласенъ“.

1904 года 13 декабря.

Въ собраніи Совѣта Киевской Духовной Академіи подъ предѣлательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ заслуженныхъ экстраординарныхъ профессоровъ — М. Ястребова, не бывшаго по причинѣ болѣзни, и Ѳ. Покровскаго, не бывшаго по домашнимъ обстоятельствамъ, экстраординарныхъ, профессоровъ — Н. Маккавейскаго, находящагося въ отпускѣ, и священника Ѳ. Титова, не бывшаго по причинѣ рѣшенія въ собраніи касающагося его дѣла.

Слушали: І. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 7 ноября сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 4 ноября 1904 года за № 11023: „По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 октября сего года

Объявленія.

ПРІЕМЪ ВОСПИТАННИКОВЪ

ВЪ КІЕВСКУЮ ДУХОВНУЮ АКАДЕМІЮ.

Отъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи объявляется, что съ 16 августа 1905 года въ Кіевской Духовной Академіи, для образованія новаго курса въ ней, имѣетъ быть пріемъ воспитанниковъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ студенты Академіи принимаются лица всѣхъ состояній, православнаго исповѣданія, окончившіе курсъ духовной семинаріи *съ званіемъ студента*.—Окончившіе курсъ ученія въ классическихъ гимназіяхъ и соотвѣствующихъ имъ свѣтскихъ учебныхъ заведенійхъ, для допущенія къ пріемному экзамену, представляютъ свидѣтельства объ успѣшномъ выдержаніи ими испытаній при духовныхъ семинаріяхъ по всѣмъ богословскимъ предметамъ семинарскаго курса ученія.—Окончившіе курсъ въ русскихъ университетахъ и соотвѣствующихъ имъ заведенійхъ, принимаются безъ экзамена, если не имѣютъ въ виду занять стипендію; въ противномъ случаѣ подвергаются испытанію наравнѣ съ прочими.—Женатыя лица въ числѣ студентовъ Академіи не принимаются.

2) Просьбы о пріемѣ въ студенты Академіи подаются волонтерами лично или *присылаются по почтѣ* на имя ректора Академіи *до 6-го августа*.

3) Къ прошенію о пріемѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) семинарскій аттестатъ; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, выданное духовной консисторіей; в) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности или свидѣтельство о припискѣ къ призванному участку по отбыванію сей повинности; г) документъ о состояніи, къ которому принадлежитъ проситель по своему званію, если онъ не духовнаго происхожденія. Лица податнаго сословія обязаны сверхъ того представить свидѣтельство объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи; д) поступающіе въ Академію